

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 9.

2 МАРТА 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
погородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офцерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кптнера, кв. № 33.

Къ 9-му № прилагаются: Англійскій кадрыль «Les Lanciers» на русскія народныя пѣсни съ объясненіемъ фигуръ, К. Лядова и «Mon Songe», полька-мазурка Шульца.

Содержаніе: Концерты (А. Сьрова). — Концертъ г-на Равина (М. Рапппорта). — Дездемона (К. Званцова). — Запечатлѣныя пѣвицы. — Театральныя и музыкальныя вѣсти изъ разныхъ городовъ Россіи. — Письмо изъ Сибири (П. Л.). — Иностраннѣй Вѣстникъ.

КОНЦЕРТЫ.

Мы обѣщали говорить о концертахъ замѣчательныхъ съ какой-бы то ни было стороны. На нынѣшній разъ закосимъ въ нашу лѣтопись впервыхъ: концертъ г-жи Ингеборгъ-Штаркъ, въ пятницу 21 февраля, въ Михайловскомъ Театрѣ. Виртуозка весьма молода, но привыкла уже являться передъ публикой, потому-что выступала въ концертахъ еще ребенкомъ. Теперь она собирается ѣхать за границу, чтобъ усовершенствоваться своей талантъ и вкусъ подъ руководствомъ европейскіихъ знаменитостей. Мы не поставимъ виртуозность юной артистки чрезвычайно-высоко; она играетъ очень исправно, щеголевато и отчетливо, но силы, огня, высшаго поэтическаго выраженія ея игрѣ еще недостаетъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ все это явится само-собою; отаадишь однако справедливость замѣчательной, рѣдкой, музыкальной ея организаціи. Кромѣ концертовъ, намъ удалось слышать виртуозку на одномъ музыкальномъ вечерѣ, въ небольшомъ кружку любителей и музыкантовъ. Г-жа Штаркъ поразила насъ способностью читать ноты а prima vista, изумительнымъ для молодой дѣвушки знаніемъ гармоніи и вообще техники искусства, и кромѣ всего этого—способностью *сочинять* музыку въ разныхъ стиляхъ, въ томъ числѣ въ самомъ строгомъ, схоластическомъ. Какіе блестящіе залогіи будущихъ успѣховъ!

№ 9

Въ нынѣшнемъ концертѣ, кромѣ 1-го аллегро изъ концерта Мошелеса (E dur), мелкихъ пѣсень Шопена, Виллимерса и своихъ собственныхъ, г-жа Штаркъ играла свою фантазію на мотивы Верди. Модный роль такъ-называемыхъ парадразъ изъ оперъ значительно опомлѣнь и прискучилъ въ наше время;—по этому граціозное сочиненіе въ такой формѣ, составленное г-жею Штаркъ съ толкомъ, вкусомъ и истиннымъ талантомъ, является особенно-отрадлымъ оазисомъ среди пустыни фантазій, лишенныхъ «фантазій».

Театръ былъ буквально полонъ и живѣйшая симпатія къ молодой, столько-даровитой виртуозкѣ шумно, высекалось послѣ каждой пѣсень. Публика была въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, что аплодировала *даже* пѣкоему г. Фишеру, который дважды между пѣсами г-жи Штаркъ утомлялъ слушателей гнусливыми звуками своего віолончеля. При неувѣренномъ, несмѣломъ шарканьи смычка о струны и при совершенномъ отсутствіи артистической фразировки, фантазія Серве «sur le désir de Beethoven» звучала какою-то пародією на віолончельныя соло. Замѣтимъ кетати, кажется въ сотый разъ, что извѣстный всѣмъ Sehnsuchts-walzer (le désir) сочинень вовсе не *Бетховеномъ*, а Францомъ Шубертомъ; *незнавъ* этого можетъ быть простительно для Серве, какъ для Француза или Бельгійца, но г. Фишеръ, судя по фамиліи—Нѣмецъ, и изъ уваженія къ искусству и къ великому Бетховену не долженъ бы приписывать ему *чужихъ* «желаній.» На долю Бетховена весьма достаточно его собственныхъ мелодій, безъ помощи Франца Шуберта, а русская публика, право, очень можетъ обойтись безъ повторенія ошибокъ французскаго легкомыслія или шарлатанства.

Еще участвовалъ въ концертѣ г-жи Штаркъ извѣстный довольно-талантиливый скрипачъ, П. Дмитріевъ-Свѣчинъ. Игру его, широкій, горячій его смычокъ очень любятъ,—и по всей справедливости. Но... страсть нынѣшнихъ виртуозовъ—играть только собственные произведенія, портить все дѣло. Неужели скрипичный репертуаръ до такой степени оскудѣлъ, что мы обязаны исключительно про-

1

слушивать только сочиненія эфемерныя, блѣдныя, ничѣмъ не замѣчательныя, кромѣ длинноты, пустоты и монотонности?

Въ воскресенье, 23 февраля, въ Большомъ Театрѣ былъ концертъ декоратора Вагнера, съ повтореніемъ живыхъ картинъ, поставленныхъ Роллеромъ.

Музыкальная часть этого вечера ничѣмъ особеннымъ не отличалась, исключая пѣнія г-жи Леоновой. Она очень хорошо исполнила граціозную, тепло-прочувствованную мелодію О. И. Дютша: «Любила, люблю и вѣкъ буду любить» и весьма недурную пѣсенку г. Воробьева. Но живыя картины г. Роллера—прелесть обворожительная!

Какъ примѣнима тутъ поговорка:

«Дѣло мастера боится».

Ни одинъ изъ концертовъ, даваемыхъ въ театрахъ, не обходится нынѣ безъ живыхъ картинъ;—иногда и вся музыкальная часть только на придачу къ картинамъ. Бываютъ между ними и очень изрядныя, эффектно, тщательно поставленныя. Но что все онѣ значатъ передъ картинами истиннаго художника по декораторскому искусству, г. Роллера?! Какъ онъ постигъ все магическія тайны *освященія*! Какой прелестный, тонко-художественный выборъ сюжетовъ картинъ и артистовъ, въ нихъ участвующихъ! Сколько вкуса въ костюмахъ и въ группировкѣ!

Все безъ исключенія картины были отлично-хороши, но особенною красотою сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе—вопервыхъ, двѣ картины на сюжетъ: Амуръ и Психея (по рисункамъ графа О. П. Толстаго); Амуромъ была величавая блондинка, г-жа Фридбергъ; Психею—прелестная брюнетка, г-жа Муравьева; во вторыхъ, двѣ картины, въ которыхъ главнымъ лицомъ была живописно-красивая г-жа Булахова, именно: «Послушница» (la novice) и «Золотой вѣкъ».

Любуясь живыми картинами, такъ великолѣпно и такъ мастерски поставленными, певольно задаешь себѣ вопросъ, отчего въ постановкѣ балетовъ и особенно оперъ не соблюдается такое же изящество, такая же нѣга для глазъ, такое же удовлетвореніе присущаго намъ чувства красоты и поэзіи?

Какой бы явился волшебный эффектъ отъ любого опернаго или балетнаго спектакля, еслибъ каждый главный моментъ пьесы представлялъ собою «живую картину», также мастерски сгруппированную и освѣщенную, какъ эти произведенія г. Роллера! Конечно, такое высшее сліяніе *всѣхъ* искусствъ въ одной общей точкѣ—еще *идеаль*, *утопія*, которая теперь составляетъ одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ художественной Германіи; по вопросу этотъ *возбужденъ* и пѣтъ причины, чтобы *идеаль* никогда не былъ достигнутъ.

Въ понедѣльникъ, 25 февраля, на Александринскомъ Театрѣ давали концертъ два ученика капельмейстера Театральнаго училища, синьора Риччи, гг. Васильевъ и Мео молодые артисты, надѣленные отъ природы отличными вокальными средствами, успѣли пріобрѣсти нѣкоторое умѣнье пѣть и сочувствіе въ публикѣ.

Г. Васильевъ, съ своимъ превосходнымъ басомъ, участвовалъ во многихъ операхъ на сценѣ Театра-Цирка и очень любима особенно въ роли Петро, въ Фелелѣ.

Г. Мео—отличный баритонъ, подающій самыя блистательныя надежды. Итальянское его происхождение пособляетъ ему въ искусствѣ пѣнія (лучшіе въ свѣтѣ пѣвцы—все-таки Итальянцы), но вредитъ ему, покаместъ, въ томъ отношеніи, что онъ еще не столько владѣетъ русскою рѣчью, чтобы выступить на русской оперной сценѣ въ какой—нибудь значительной роли. Препятствіе это, конечно, скоро исчезнетъ и русская труппа сдѣлаетъ въ этомъ баритонѣ весьма-счастливое пріобрѣтеніе.

Въ концертѣ, г. Мео исполнилъ арію изъ «Ломбардовъ», партію Conte di Luna въ дуэтѣ съ г-жой Латышевою изъ Трубадура, дуэтъ съ г. Васильевымъ изъ «Марини Фальеро» Доницетти, и партію Карла V, изъ знаменитаго финала въ «Эрнани». Вездѣ звучный баритонъ являлся очень эффективнымъ, а въ иныхъ мѣстахъ выказались намъ очень высокія для баритона ноты (fa и sol) рѣдкой красоты. Фразируетъ г. Мео со вкусомъ—и если не ошибаемся—сочувствуетъ тому, что поетъ. Кажется довольно данностей, чтобъ ожидать въ г. Мео замѣчательнаго пѣвца, особенно если взять въ соображеніе его молодость и энергію, только-что начинающую проявляться.

О голосѣ г. Васильева намъ уже случалось говорить не одинъ разъ и всегда съ самой выгодной стороны. Когда онъ позволяетъ себѣ «форсировать» голосъ, это совершенно лишнее. Полнота его органа отвѣчаетъ сама за себя. Интереснѣйшею новостью для насъ было участіе г. Васильева, на мѣсто О. А. Петрова, въ тріо и квартетѣ изъ «Жизнь за Царя». Желаніе самыхъ блестящихъ успѣховъ г. Васильеву заставляеть насъ быть къ нему особенно строгимъ и потому замѣтимъ, что несмотря на прекрасный его голосъ и добросовѣстное исполненіе «нотъ», партія *Сусанина* и въ тріо и въ квартетѣ осталась совершенно въ тѣни.

Отчего же это? Оттого что мы привыкли къ отличному исполненію этой партіи опытнымъ артистомъ, который въ каждомъ звукѣ передаетъ не одну только *ноту* своей партіи, а вмѣстѣ и *характеръ* Сусанина, драматическій смыслъ, вложенный Глилкою въ его вдохновенную музыку.

Много, много надобно учиться г. Васильеву, работать надъ собою, вникать въ смыслъ роли, наблюдать приемы О. А. Петрова, чтобы со-временемъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, замѣнить его въ партіи Сусанина. Задача не бездѣльная и для г. Васильева теперь еще не по-силамъ.

Впрочемъ и теперь впечатлѣніе на публику было самое выгодное. Тріо изъ «Жизнь за Царя» было повторено—вслѣдствіе самыхъ громогласныхъ требованій всей массы слушателей.

Изъ другихъ нумеровъ концерта чести повторенія цѣликомъ удостоился эффектный финалъ съ хоромъ изъ Эрнани.

Участіе г-жи Леоновой въ квартетѣ изъ «Жизнь за Царя», въ которомъ она *отлично* исполняетъ свое дѣло, напомнило намъ несправедливость г. Ростислава къ этой даровитой пѣвицѣ.

Въ «Бесѣдахъ» № 35 Сѣв. Пчелы въ фельетонѣ, знаменитомъ по «изумительной» параллели между «Жизнь за Царя» и Травиатою, г. Ростиславъ, на сей разъ желавшій

наказать «множество пріятных вещей» русскою оперною труппою, похваливъ миловидность и старательность г-жи Булаховой, но прибавилъ, что она нигдѣ *неучилась* пѣть. Эта фактическая певѣрность, несмотря на комплименты, никакъ не можетъ быть пріятна для артистки (отчего же г. Ростиславъ и похвалить—то тутѣмъ не умѣеть, или это—*обоюдоострый* мечь?). О г-жѣ Леоповой, музыкальный фельетонистъ Сѣв. Пчелы не упоминалъ вовсе, между тѣмъ какъ рѣчь шла объ оперѣ Глинки, которая *безъ г-жи Леоповой* должна будетъ исчезнуть со сцены. Другой пѣвицы для партіи Вани пока не предвидится (для голоса г-жи Латышовой эта партія слишкомъ—пизка).

Или ужъ г. Ростиславъ былъ особенно занятъ «глубокомысленнымъ» замѣчаніемъ своимъ, что смерть чахоточною камеліи «не можетъ — дескать—столько способствовать къ восторженному, возвышенному настроенію духа, какъ *смерть полнаго жизни* гражданина, жертвующаго собою для блага отечества».

Согласитесь, что такія слова всего больше похожи на какой-то «логогрифъ»,—ключъ для котораго остается тайною г. фельетониста.

А. СЪРОВЪ.

КОЦЕРТЪ Г-на РАВИНА.

Къ обзорѣнню концертовъ за прошедшую недѣлю мы должны прибавить еще нѣсколько словъ о концертѣ г. Равина (въ среду, на Михайловскомъ Театрѣ). Имя г. Равина извѣстно у насъ по его граціознымъ композиціямъ и нѣсколькимъ весьма удачнымъ этюдамъ, но всѣ эти произведенія можно отнести къ разряду нетрудныхъ салонныхъ піесъ, по ни въ какомъ случаѣ не къ концертнымъ піесамъ. Вещь, которую можетъ сыграть любитель, и главное, сыграть весьма удовлетворительно, кажется страннымъ явленіемъ въ концертѣ, въ особенности въ настоящее время, когда фортепианная игра доведена до такой высокой степени совершенства. Какъ мы уже говорили, артистъ, являющійся на концертную эстраду, долженъ соединять въ себѣ всѣ качества, требуемыя отъ человѣка, который сдѣлалъ въ искусствѣ важный шагъ впередъ, талантъ котораго необыкновенный и составляетъ исключеніе. Произведенія, исполняемыя въ концертѣ, должны отличаться строгимъ выборомъ и представлять трудности недоступныя даже лучшему любителю; къ сожалѣнію, г. Равина не исполнилъ ни одного изъ этихъ условій. Во весь вечеръ онъ игралъ свои собственные произведенія, хотя и граціозныя, по доступныя даже посредственному любителю. Безспорно, піесы эти весьма пріятно прослушать въ залѣ, но для театра, для концерта, онѣ неудовлетворительны и кажутся бездѣлушками; притомъ прослушать нѣсколько піесъ одного композитора, піесъ, посланныхъ на себѣ одинъ и тотъ же отпечатокъ, становится паконецъ монотонно. То же можно сказать и объ игрѣ г. Равина: игра его жемчужная, шѣпалъ, пріятная, но не концертная, и мы полагаемъ, что въ гостиной онъ долженъ производить гораздо болѣе эффекта. Въ мѣстахъ,

требующихъ силы, мы замѣтили рѣзкость въ туше и звуки, извлекаемые имъ изъ фортепіано, этого неблагодарнаго вообще инструмента, кажутся сухими. Впрочемъ о степени виртуозности г. Равина можно бы судить положительно, еслибъ онъ исполнилъ нѣсколько произведеній другихъ извѣстныхъ композиторовъ и, между прочимъ, хотя одно изъ классическихъ. Кажется есть изъ чего выбирать,—а воля ваша, небольшіе этюды неумѣстны въ концертѣ. Изъ исполненныхъ піесъ болѣе всего имѣлъ успѣхъ дуэтъ на два фортепіано, на мотивъ изъ Эрианта, весьма удачно аранжированный г. Равина и исполненный имъ же и г. Герке. Дуэтъ этотъ произвелъ эффектъ;—въ особенности г. Герке отличился и обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Весьма понравился тоже одинъ изъ этюдовъ, который г. Равина долженъ былъ по требованію повторить. Вообще игра г. Равина нравится, но не оставляетъ послѣ себя особеннаго впечатлѣнія; надѣмся, что въ слѣдующихъ концертахъ онъ составитъ программу посерьезнѣе, пообдуманиѣе, и представить намъ этимъ случай лучше его оцѣнить какъ исполнителя. Не можемъ тоже умолчать о неслыханныхъ цѣнахъ, назначенныхъ г. Равина въ свой концертъ: 25 р. с. за бель-этажъ; кресла по 7 и 6 р. с.; — дороговъшко! не слишкомъ ли самонадѣянно? У насъ перебывало много знаменитыхъ, первоклассныхъ талантовъ, но матеріалныя ихъ требованія отличались болѣею частію умеренностію; положимъ, что иностранцы такъ и разсчитываютъ на русскіе рубли, но всему же есть мѣра,—вѣдь мы не въ Калифорніи! Въ концертѣ принимали участіе гг. Мео и Васильевъ.

М. ГАППАОРТЪ.

ДЕСДЕМОНА.

(Отрывокъ изъ неизданныхъ писемъ 1853 года).

Встарину, побуждаемый лжино понятымъ благоговѣніемъ къ Шекспиру, считалъ я эту оперу Россіи, за исключеніемъ знаменитаго романа, самою неудачною попыткой—перенести лучшую изъ трагедій въ сферу музыкальную, мало того — непростительной на нее пародіей, тѣмъ болѣе, что въ роли венеціанскаго Мавра никто изъ пылншаго поколѣнія не видѣлъ славнаго Эмануила Гарціи, и самъ Рубини въ отношеніи драматическомъ не соответствовалъ характеру Отелло.

Сознаюсь откровенно въ своемъ заблужденіи. Впикая глубже въ высокій смыслъ трагедіи, я начинаю убѣждаться, что россиіева опера, несмотря на нѣкоторыя слабыя мѣста, не только не пародія, но превосходное, смѣлое музыкальное созданіе,—не нужно лишь съ литературнымъ педантизмомъ искать въ ней полнаго воспроизведенія много-сложной интриги, на которой основана трагедія. У Шекспира, Яго, такъ сказать, вызываетъ изъ темныхъ нѣдръ времени всю трагедію; Яго—бессознательное орудіе, палачъ карающей Немезиды. Безъ него нѣтъ шекспирова творенія, или вѣрнѣе сказать: безъ Яго не будетъ драмы, дѣйствія, завязки,—останутся одни характеры виѣ всякой другъ-отъ-друга зависимости, безъ всякаго взаимодѣйствія. Однимъ

словомъ, *Отелло* Шекспира—трагедія, ходъ которой основанъ не на самодѣтельномъ развитіи главнаго характера, но на случайности, на интригѣ. Яго разжигаетъ дремлющія страсти въ ненавистномъ для него человѣкѣ и въ лицахъ его окружающихъ, искажаетъ послѣдствія благороднѣйшихъ порывовъ, и подъ его тлетворнымъ вліяніемъ развиваются и дѣйствуютъ характеры. Очевидно, гдѣ интрига главное, тамъ не мѣсто музыкѣ, области которой не всегда находятя въ сферѣ литературной. Не всѣ условія одного искусства совпадаютъ съ условіями другаго. Вотъ почему существуетъ на бѣломъ свѣтѣ столько неудачныхъ, или по крайней мѣрѣ не вполне удавшихся твореній въ музыкѣ, поэзіи, живописи, ваяніи и проч. Каждое искусство царствуетъ только въ своей области: малѣйшее нарушеніе предѣловъ—вредитъ пришельцу;—въ доказательство приведу двѣ прекрасныя оперы: *Фиделіо* Бетховена и *Фауста* Шпора.

Не знаю, думалъ ли о томъ Россини при созданіи своего *Отелло*: Россини вообще не думы глубокой человѣкъ, но человѣкъ блестящаго дѣла. Если въ его твореніяхъ находятя глубокія думы, то онѣ обязаны имъ едва ли не одному безотчетному вдохновенію. Какъ бы то ни было, Россини, увлеченный поэзіей Шекспира, пропуская всѣ немзыкальныя подробности драмы, употребилъ только въ главныхъ чертахъ клевету Яго, и то въ началѣ оперы, а въ музыкѣ своей старался развить два характера: *Отелло* и *Дездемону*, и развилъ ихъ чисто лирически, т. е. въ оперѣ нѣтъ высшаго дѣйствія, драмы непосредственно зримой, по она состоитъ изъ цѣлаго ряда превосходныхъ нумеровъ, выражающихъ внутренній ходъ драмы. Впечатлѣніе, производимое оперой Россини на людей, одаренныхъ музыкальнымъ чувствомъ, возноситъ ихъ къ созерцанію идеи Шекспира, и музыкальная цѣль достигнута! Извѣстный скрипачъ Эрнстъ всю идею трагедіи заключилъ въ небольшой фантазіи на маршъ и романсъ Россини, и попытка увѣличилась огромнымъ успѣхомъ: кто могъ безъ слезъ прослушать эту фантазію въ игрѣ самаго Эрнста?

Какъ о *Маврѣ*, такъ и о второстепенныхъ дѣйствующихихъ, или лучше сказать—поющихихъ лицахъ, мнѣ нечего распространяться. Скажу нѣсколько словъ о *Дездемонѣ*. Мы давно ее не видѣли, и не знаемъ, долго ли намъ суждено ее видѣть.

Вся жизнь *Дездемоны* сосредоточивается въ высокой, пламенной любви. Однако любовь ея не заключается въ той мягкой, юной мечтательности, которая отъ заблужденія переходитъ къ заблужденію,—нѣтъ, это чистый алмазь, хранящійся въ глубинѣ ея души и въ характерѣ самаго *Отелло*. Выборъ ея палъ на пожилаго и безобразнаго *Мавра*, не одареннаго притомъ ни ловкостью въ обращеніи, ни утонченностью въ обычаяхъ, ни даромъ слова: въ немъ только благородный характеръ и гениіи. Въ выборѣ *Дездемоны* все ея существо и основаніе всей трагедіи. Оттого-то Шекспиръ обрисовалъ его яркими красками: грубому *Отелло* противопоставилъ блестящаго красотой и образованіемъ *Родриго*. Не довольно того, что *Дездемона* добра, мила, прекрасна, очаровательна, знатнаго происхожденія,—она еще невѣста

молодаго венеціанскаго патриція, который любитъ ее до безумія, котораго проступки происходятъ именно отъ безумной любви. *Дездемона*, несмотря на всѣ его качества и на вѣншній блескъ, столь сильно прельщающій *Дѣвушекъ* обыкновенныхъ, несмотря на всеобщее отвращеніе къ пришельцу *Отелло*, любитъ его даже въ противность воли отца.

Это обстоятельство очень важно. Оно не только объясняетъ настоящее значеніе характера *Дездемоны*, но въ немъ заключается все страстное, трогательное и высокое, весь пафосъ трагедіи. Оба, *Отелло* и *Дездемона*, виновны въ нарушеніи закона семейственнаго и повиновенія родительской власти, безъ которыхъ нѣтъ между людьми союза, нѣтъ общества, нѣтъ нравственности. Оба виновны, ко вина ихъ въ томъ, что они правы. Тамъ лишь настоящій бракъ, гдѣ взаимная любовь, а любовь *Дездемоны* чисто нравственная, ея выборъ вполне одобрителенъ, потому что соответствуетъ не только внутреннему ея влеченію, но и всѣмъ требованіямъ нравственнаго закона, который предписываетъ намъ выбирать людей не по склонности сердца и раздражительности чувствъ, но по истинному, вѣчному достоинству человѣка. *Дездемону* оправдываетъ неизмѣнная правда, обвиняетъ—ея собственная вина. Подобныя-то противорѣчія оплодотворяютъ почву трагедіи. Характеры, которымъ суждено разрѣшиться въ себѣ глубокое, внутреннее противорѣчіе человѣческаго бытія, борьбу воли съ необходимостью, по-преимуществу характеры трагическіе. Подобно самому *Отелло*, *Дездемона*, при всей своей пѣжной, вполне женской натурѣ, при всей своей покорности и любви къ супругу, способна еще къ высокимъ думамъ, къ великимъ дѣламъ, которыя именно и подчинили ее воли *Мавра*. Любви она жертвуетъ повнновеніемъ отцу и тѣмъ вызываетъ противъ себя карающія силы. Изъ любви переноситъ она родительскій гнѣвъ, мірскую молву, невзгоды бивачной жизни, безусловно предается возлюбленному воину, уничтожая въ себѣ дочь, Венеціанку, знатную, для отроднаго призванія жены. Но и тутъ она рѣшительно и настойчиво защищаетъ все, въ чемъ нашла однажды правду и добродѣтель, невзирая на гнѣвъ раздраженнаго *Отелло*. Хотя поэтому недостатки *Дездемоны*—неизбѣжное послѣдствіе ея добродѣтели, тѣмъ не менѣе они остаются недостатками, недостатками высокаго трагическаго значенія, потому что въ основаніи ихъ лежитъ величіе и благородство человѣка. Цѣль трагедіи—показать, какъ въ мірѣ гибнетъ все великое и возвышенное, не потому что оно велико и возвышенно, но потому что подъ гнетомъ обстоятельствъ, въ противорѣчій правъ и обязанностей, въ борьбѣ со зломъ, оно не можетъ держаться само-собою, падаетъ вслѣдствіе собственной немощи, чтобы возстать отъ тлѣнія и смерти къ жизни вѣчной.

Не стану разбирать по потамъ музыкальную партію *Дездемоны*, тѣмъ менѣе—отдѣльныя сцены и выраженія, потому что убѣжденъ въ истинѣ, высказанной недавно Р. Вагнеромъ: «художникъ обращается къ чувству, а не къ уму; кто умомъ ему отвѣтитъ, докажетъ, что не понялъ его». Я старался только изобразить общее впечатлѣніе, которое производитъ ессиніевская *Дездемона* на своихъ поклонни-

ковъ. А кто не поклонникъ ея?.. развѣ враги музыки: — ивыихъ у нея пѣтъ!

Вся партія Дездемоны, за исключеніемъ нѣсколькихъ вспышекъ страсти, должна быть спѣта, или вѣрнѣе сказать, продекламирована въ полголоса—*sotto voce*; отъ первой ноты до послѣдней она пропикнута какимъ-то невыразимымъ уныніемъ, какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ: Дездемона знаетъ, что кромѣ любви для нея нѣтъ счастья, что эта же любовь подвергнетъ ее всеобщему порицанію, безпощадному гнѣву отца и кознямъ коварнаго Яго, что и любовь готовитъ ей, можетъ быть, одни лишь страданія и гибель. Всего должно ждать отвергнутое, непокорное дитя! Дездемона ждетъ, любитъ, страдаетъ —

Mira infelici!

Nemico nembo or vi rattrista e agghiaccia

Il povero mio cor. Sorte crudele

Mi minaccia, mi opprime...

Oh me infelice!

Oh natura! oh dover! oh legge! oh sposo!

Въ этихъ подавленныхъ вздохахъ, въ этомъ горькомъ сознаніи виновности, въ этой пламенной любви, — вся Дездемона, какъ понималъ ее Шекспиръ и какъ создали ее лучшія драматическія артистки.

Но вотъ, въ концѣ втораго дѣйствія, опустошающая душу ея буря начинаетъ обнаруживаться. Огелло и Родриго сражаются. Дездемона падаетъ въ обморокъ. Приходя мало-по-малу въ чувство, но сама не въ силахъ будучи тутъ узнать объ участи мужа, посылаетъ Эмилию. Надобно видѣть Дездемону въ это роковое мгновеніе, слышагъ эи вопли, эту мольбу:

Salvalo almen: me uccidi—

Contenta io morirò!

Надобно видѣть и слышать ее въ единственную минуту радости, когда говорятъ ей, что Огелло внѣ всякой опасности:

Salvo, salvo dal suo periglio?..

Altro non chiede il cor.

Но несчастная, торжествующая женщина заблуждается: ей недостаетъ родительскаго благословенія! Является Эльмиро. Дездемона, подъ невыносимымъ гнетомъ проклятій, умоляетъ грознаго старца о пощадѣ, въ полномъ убѣжденіи, что—

Se il padre l'abbandona,

Da chi sperar pietà?

Но тщетно; — старикъ неумолимъ.

Третье дѣйствіе одно уже обезсмертило бы имя Россини, еслибы ему не удалось произвести ни *Севильскаго цирюльника*, ни *Семирамиду*, ни *Монсел*, ни *Вильгельма Телля*.

Первоклассные писатели не однажды принимали описаніе впечатлѣній, производимыхъ нѣкоторыми сценами Шекспира, Моцарта и другихъ. Сцена Дездемоны съ арфою достойна участи Гамлета или допъ-Жуана; впрочемъ, искусная кисть Декэна передала потомству восхитительное изображеніе этой сцены—портретъ Маріи Малибран!

Я не слышалъ ея. Когда, вслѣдъ за Байрономъ, вдохновляя она дряхлый міръ небесными звуками, я въ краю

одномъ проводилъ еще дѣтскіе дни, и на когѣпляхъ у родителейъ распѣвая отрывки изъ *Севильскаго цирюльника* или изъ *Фрейшюца*, не предполагалъ, что вскорѣ и мнѣ придется повторять:

Nessun maggior dolore

Che ricordarsi del tempo felice

Nella miseria...

Я не слышалъ Малибран; но портретъ ея, писанный Декэномъ, рассказы о ней, біографическіе очерки, и наконецъ пріѣхавшая къ намъ вторично г-жа Біардо до такой степени ознакомили меня съ лучезарнымъ призракомъ великой женщины, что — *мнится, я вижу ее азоровъ моей души!*

К. ЗВАНЦОВЪ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ДѢВУШКИ.

Г-жа ФИЛЛИСЪ (M-lle Phillis).

Въ числѣ украшеній старинной комической оперы, наряду съ г-жами Дюгазонъ и Сентъ-Обень, стоитъ г-жа Филлисъ, талантъ которой значительно способствовалъ обогащенію театра Фаваръ и оставилъ неизгладимые слѣды въ воспоминаніяхъ старыхъ театраловъ. Прежде нежели приступить мы къ оцѣнкѣ таланта этой дѣвицы и описанію ея артистической карьеры, считаемъ долгомъ указать въ личности г-жи Филлисъ одну характеристическую черту. Г-жа Филлисъ принадлежала къ числу тѣхъ артистовъ, которые, въ знакомствѣ своемъ съ послѣдними представителями стариннаго французскаго общества, усвоили себѣ то изящество вкуса, тона и ума, тѣ изящныя, аристократическія манеры, о которыхъ въ современномъ обществѣ артистовъ осталось одно неясное воспоминаніе. Въ началѣ текущаго столѣтія существовали еще слѣды этого избраннаго общества; въ то время встрѣчались еще иногда оригиналы и типы, любопытные остатки старины, настоящіе маркизы, сохранявшіе свой древній костюмъ, прежніе нравы, языкъ, остроуміе и старинный великобвѣтскій тонъ.

Въ этомъ-то блестящемъ кругу развились богатая способность г-жи Филлисъ. Въ фойе Комической Оперы она постоянно имѣла случай видѣть и говорить со всеми литературными и аристократическими знаменитостями своей эпохи. Одаренная большою наблюдательностью, она сохранила въ памяти своей много любопытныхъ разсказовъ о ежедневныхъ посѣтителяхъ фойе. Вотъ что разсказала она однажды въ кругу друзей, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти.

«Въ числѣ достояншихъ посѣтителей фойе Комической Оперы въ мое время былъ одинъ очень-замышленный старичекъ. Войдя въ фойе предъ началомъ представленія, онъ садился обыкновенно на кончикъ скамьи подлѣ окна, вынималъ маленькія ножницы, и такимъ образомъ, подстригая и чистя свои ногти, проводилъ почти все время, пока продолжалось представленіе. Въ залу театра онъ входилъ только для того, чтобы прослушать одну или двѣ сцены, хотя бы пѣса была даже совершенно-нова; послѣ того онъ опять шелъ въ фойе, садился на прежнее мѣсто и уходилъ только тогда, когда окончится спектакль.

«Этому старичку было слишкомъ девяносто лѣтъ; звали его—маркизь де Кенменесъ, но чаще еще пазывали просто Шименъ. Судя по его словамъ, онъ происходилъ по прямой линіи изъ знаменитаго дома Кенменесовъ, одного изъ извѣстнѣйшихъ домовъ старой Испаніи. Онъ имѣлъ когда-то довольно-большое состояніе, которое въ ту эпоху, о которой я говорю, было уже почти совсѣмъ растрачено. Странность характера проглядывала во всѣхъ его дѣйствіяхъ и даже въ его костюмѣ. Такимъ образомъ, при шелковомъ кафтанѣ, великолѣпно-украшенномъ вышивками, онъ носилъ довольно-сомнительное бѣлье; шелковые чулки, совершенно пожелтѣвшіе отъ времени, составляли рѣзкую противоположность съ башмаками на красныхъ каблукахъ, съ золотыми пряжками, осыпанными мелкими брилліантами.

«Маркизь де Кенменесъ служилъ когда-то въ званіи подполковника и командовалъ полкомъ за отсутствіемъ настоящаго командира, который былъ хорошо принятъ при Дворѣ и потому почти всегда жилъ въ Версали.—Однажды, въ жаркій лѣтній вечеръ, маркизу вздумалось сдѣлать смотръ. Онъ остался до-крайности доволенъ какъ видомъ такъ и выправкою солдатъ и рѣшился вслѣдствіе того угостить песь полкъ лимонадомъ. Въ дому, гдѣ онъ жилъ, былъ садъ и въ немъ довольно-глубокій колодець съ годною для питья водою; маркизь велѣлъ набросать туда множество сахару и нѣсколько сотъ разрѣзанныхъ лимоновъ, перемѣшать все это длинными шестами и такимъ образомъ приготовилъ лимонадъ, котораго было больше чѣмъ достаточно для цѣлаго полка.

«Въ другой разъ, также лѣтомъ, маркизу вздумалось прокатиться въ саняхъ; чтобы замѣнить снѣгъ, онъ велѣлъ насыпать густой слою сахару въ длиннѣйшей аллеѣ своего сада и выполнилъ свою фантазію въ сопровожденіи одной дамы, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ.

«По выходѣ въ отставку маркизь пожелалъ славы драматическаго композитора. Имѣя большія связи, онъ успѣлъ поставить на сцену двѣ комическія оперы своего сочиненія, но оперы не удалась, публика ихъ освистала. Не смотря на двукратную неудачу, маркизь не покидалъ никогда своихъ поэтическихъ и музыкальныхъ занятій, рѣшившись однако не ставить болѣе оперъ, но заниматься одними только романсами. Вдохновеніе позволяло ему написать не болѣе двухъ или трехъ куплетовъ; онъ переписывалъ ихъ на четвертушки и вечеромъ раздавалъ ихъ постояннымъ посетителямъ фойе.

«Впрочемъ разговоръ маркиза былъ всегда поучителенъ, забавенъ и остроуменъ, обращеніе пріятно, и вообще въ немъ можно было признать человѣка благовоспитаннаго и который привыкъ жить въ хорошемъ кругу.»

Обратимся теперь къ театальной карьерѣ г-жи Филлисъ.

Г-жа Филлисъ родилась въ Бордо въ 1780 году. Началу музыкальнаго образованія получила она отъ своего отца, который былъ очень-хорошій гитаристъ и довольно-таалантливый композиторъ. Занимаясь единственно своимъ искусствомъ, онъ не принималъ никакого участія въ роковыхъ и грозныхъ событіяхъ французской революціи. Одинъ только

разъ (во времена Ужаса) онъ подвергся подозрѣніямъ полиціи; президентъ Комитета общественной безопасности написалъ ему явиться къ себѣ и тогда между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Филлисъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я музыкантъ, — играю на гитарѣ.

— Что вы дѣлали при жизни короля?

— Я игралъ на гитарѣ.

— А что вы намѣрены дѣлать для пользы республики?

— Я буду играть на гитарѣ.

Допросъ на томъ и остановился: — такого человѣка очевидно нельзя было считать опаснымъ.

Въ 1796 году г-жа Филлисъ вступила въ Консерваторію; сначала она училась сольфеджіямъ у Флакеля, а потомъ перешла къ профессору пѣнія, Платтаду. На конкурсѣ 1801 года она получила вторую прехію.

Комическая Опера, куда она поступила вскорѣ послѣ того, справедливо могла радоваться такому пріобрѣтенію. Очаровательная наружность, оживленное выраженіемъ лице, взглядъ полный ума, превосходное тѣлосложеніе, — вотъ качества, которыя съ перваго разу доставили пѣвицѣ право на всеобщее вниманіе. Николо, Далеиракъ, Мартини, Седенъ, Мармонтель, написали для нея множество прекрасныхъ піесъ; но болѣе всего она должна была гордиться благоволеніемъ великаго Гретри, въ рукахъ котораго находился въ то время скиптръ Комической Оперы. Живое сочувствіе композитора къ г-жѣ Филлисъ только одинъ разъ подверглось испытанію и вотъ какъ это произошло:

Въ одномъ изъ припадковъ мизантропіи, которымъ нередко подвергаются люди съ слишкомъ-живымъ воображеніемъ, Гретри удалился за двадцать-пять лѣтъ отъ Парижа. Многие изъ знатныхъ иностранцевъ ѣздили во временную резиденцію композитора, но всѣ болѣе или менѣе напрасно; Гретри очень рѣдко выходилъ обѣдать въ общую столовую; гостей принимала племянница хозяина, а самъ онъ приходилъ только развѣ къ концу обѣда, когда подавали кофе.

Въ это время въ Парижѣ была дана новая опера Гретри: *Colinette à la cour*. Друзья композитора извѣстили его о всѣхъ подробностяхъ представленія и особенно о томъ, какъ блистательно выполнила главную роль г-жа Филлисъ. Желая лично убѣдиться въ справедливости похвалъ, Гретри приказалъ устроить у себя небольшой театръ съ особенною ложею для себя одного. Двѣ молодыхъ дамы и два или три любителя согласились исполнить различныя роли піесы.

Окончивъ эти приготовленія, Гретри написалъ въ Комическую Оперу письмо, въ которомъ просилъ отпустить къ нему г-жу Филлисъ на нѣсколько дней. Молодая пѣвица съ любезностью согласилась исполнить просьбу композитора.

— Я прошу васъ, сказа лъонъ ей, заняться постановкою оперы на сцену; вы будете распоряжаться репетиціями; я не буду ни во что вмѣшиваться, чтобы сохранить всю мою впечатлительность для того дня, когда все будетъ готово къ представленію.

Г-жа Филлисъ съ полнымъ рвеніемъ припаялась за пору-

чепое ей дѣло. Импровизированные артисты выучили свои роли подъ ея руководствомъ и пользуясь ея замѣчаніями; наконецъ наступилъ день спектакля.

Гретри помѣстился въ своей ложѣ, но слушала разсѣленно до тѣхъ поръ, пока вышла на сцену г-жа Филлисъ. Но не прошло и пяти минутъ, какъ композиторъ очевидно выказалъ неудовольствіе: еще минута—и онъ сталъ ворчать про себя:

— Боже мой, да на что же это похоже?—я ничего не могу понять.

Г-жа Филлисъ продолжала свою роль; волненіе композитора увеличивалось съ минуту на минуту, наконецъ онъ не выдержалъ и сказалъ въ полголоса: — итѣ это просто отвратительно. Но окончаніи спектакля, слушатели обернулись къ маленькой ложѣ Гретри, но его уже тамъ не было. Какъ онъ успѣлъ уйти изъ залы, было неизвѣстно. Никто не могъ понять, что сдѣлалось съ хозяиномъ дома, и гости въ раздумьи перешли изъ залы въ столовую, гдѣ уже былъ приготовленъ для всѣхъ великолепный ужинъ.

Племянница Гретри, справедливо полагая, что дядя ея ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, поспѣшила къ нему, чтобы уговорить его выдти къ своимъ гостямъ. Композиторъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, пахмуренный, сердитый, съ мрачнымъ огнемъ въ глазахъ.

— Я пришла за вами, сказала она ему; наши гости желаютъ поздравить васъ съ успѣхомъ вашей превосходной пьесы.

— Поздравить меня! съ гнѣвомъ закричалъ Гретри; я совѣтую имъ обратиться также къ той, которая такъ низко поступила со мною сегодня.

— Низко?... но о комъ же вы говорите?

— О комъ же, какъ не о той жалкойженщинѣ, которая окончательно убила мою бѣдную оперу... Я не хочу ити къ гостямъ, потому что не хочу ея видѣть:—она и безъ того надѣлала мнѣ довольно непріятностей... Скажи ей, чтобы она убиралась въ Парижъ когда ей угодно.

— Но какъ же могло случиться, что она поправилась всѣмъ, кромѣ васъ? Наши гости единогласно говорятъ, что у нея прекрасный голосъ, что она превосходно исполнила свою роль.

— Они говорятъ такъ, потому что они всѣ дураки!

Племянница продолжала уговаривать Гретри, но онъ былъ неумолимъ и рѣшительно объявилъ, что останется у себя до тѣхъ поръ, пока г-жа Филлисъ не уѣдетъ въ Парижъ.

Молодая хозяйка по-неволѣ должна была уйти; она воротилась къ гостямъ и тѣ съ удивленіемъ узнали, почему Гретри убѣжалъ изъ своей ложи и упрямыя прилти къ общему столу. Можно представить себѣ, сколько было толковъ и сожалѣній по-поводу такого неожиданныго поведенія любимаго всѣми композитора.

Г-жа Филлисъ не могла не догадаться о причинѣ всей суматохи и конечно была въ большомъ горѣ. Бѣдная артистка не могла уснуть во всю ночь; утромъ, увидясь съ племянницей Гретри, она стала умолять ее, пойти вмѣстѣ съ нею къ раздраженному композитору. Племянница согласилась, но, зная характеръ своего дяди, просила г-жу Филлисъ не подавать голосу прежде чѣмъ отворится дверь.

Слыша стукъ въ свои двери, Гретри сердито спросила, кто стучитъ и чего отъ него хотятъ.

— Это я, отвѣчала племянница, стараясь придать своему голосу примиряющій тонъ.

— По одиѣ ли вы по крайней мѣрѣ? итѣ ли съ вами той, которую я рѣшительно не хочу видѣть?

Послѣ утвердительнаго отвѣта Гретри отворила дверь и только тогда съ неудовольствіемъ замѣтила, что его обманули.

— Какъ! закричалъ онъ, вы осмѣливаетесь ляться ко мнѣ послѣ всего, что вы надѣлали?

— Ради Бога, простите меня, отвѣчала бѣдная пѣвица. Если я не съумѣла хорошо выполнить свою роль, то право я сдѣлала это безъ всякаго умысла. Я сама въ большомъ горѣ; вы знаете, что я благоговѣю предъ вашимъ гениемъ; помогите мнѣ вашими совѣтами и я общаю свято исполнить все, что вы мнѣ прикажете.

— Печего вамъ совѣтовать, когда вы не въ состояніи исполнить моихъ совѣтовъ.

— Но вѣдь я общаю вамъ всячески стараться понять и воспользоваться тѣмъ, что вы удостоите мнѣ сказать. Если вы захотите мнѣ помочь, я почти увѣрена, что съумѣю вамъ поправиться. Вы будете для меня божествомъ, которое воодушевитъ меня, дастъ мнѣ и силу и энергію, которыхъ не могъ мнѣ дать мой ограниченный разумъ.

По мѣрѣ того какъ она говорила, лице Гретри принимало все болѣе и болѣе любезной видъ; онъ, какъ и всѣ другіе, невольно поддавался вліянію лести...

Прошло не больше полчаса и Гретри вышелъ въ гостиную, объявляя всѣмъ и каждому, что г-жа Филлисъ превосходная, неподражаемая артистка. Пара прелестныхъ глазъ, трогательный голосъ, а главное—тонкій и вкрадчивый женскій умъ, сдѣлали полный переворотъ въ предубѣжденномъ умѣ композитора.

На другой день снова играли *Colinette à la cour* и Гретри самъ подавалъ сигналъ для рукоплесканій;—между тѣмъ въ игрѣ главной артистки не было ни какой перемѣны: г-жа Филлисъ была костюмирована и пѣла совершенно такъ, какъ и въ первый разъ;—вся разница была въ томъ, что Гретри пересталъ хандрить.

Въ 1803 году г-жа Филлисъ отправилась въ Россію, куда привлекъ ее великолѣпный ангажементъ;—ей не было тогда еще и двадцати-двухъ лѣтъ.

Красота и талантъ молодой пѣвицы произвели фуроръ; очаровательныя мелодіи Мегюля, Гретри и Далейрака пошли въ пей самую восхитительную исполнительницу и сдѣлались рѣшительно популярными въ высшемъ кругу тогдашняго русскаго общества.

Г-жа Филлисъ прожила въ Петербургѣ десять лѣтъ и все это время имѣла постоянный успѣхъ. Въ числѣ самыхъ жаркихъ поклонниковъ своего таланта она имѣла счастье считать Императора Александра, который всегда любилъ живыя и легкія произведенія французской музыки.

Между тѣмъ, несмотря на большое содержаніе и всегда благосклонный приемъ публики, г-жа Филлисъ никогда не могла примириться съ жвзнію въ Петербургѣ. Вотъ одно

письмо, писанное ею къ Эллевиу, которое лучше всего подтвердитъ наши слова: «Вы вѣрно почтете меня очень-неблагодарною... Я Богъ знаетъ какъ грущу и скучаю въ этой странѣ, хотя всѣ здѣсь стараются выразить мнѣ лестное удивленіе къ моему таланту. Когда я вспоминаю, что мнѣ остается прожить еще два года, мнѣ кажется, что я рѣшительно не выдержу. Мнѣ хотѣлось бы написать къ вамъ, что я очень счастлива, что всѣ здѣсь кажутся мнѣ очень любезными, но что же дѣлать? — я не умѣю лгать. Молите Бога, мой добрый другъ, чтобы Онъ помогъ мнѣ вынести мое изгнаніе, которое день-отъ-дня кажется мнѣ все болѣе и болѣе невыносимымъ. Эти два года кажутся мнѣ двумя вѣками... Я чувствую, что не могу жить долго такъ, какъ живу теперь.»

Г-жа Филлисъ вернулась въ Парижъ въ концѣ 1812 года, но появленіе ея на сценѣ Комической Оперы не произвело большаго впечатлѣнія. Она нисколько не утратила своей прежней граціи и красоты, но видно было, что она долго жила внѣ того міра, гдѣ развиваются и укрѣпляются таланты. Долго оставаясь внѣ возбуждательнаго вліянія соревнованія съ извѣстными талантами и умнаго сочувствія публики, г-жа Филлисъ натурально не могла стагъ въ уровень съ прочими артистками Комической Оперы. Въ отсутствіе ея появилось много новыхъ актрисъ, которыя развили свои таланты и теперь вполнѣ могли затмить прежнюю славную актрису.

Многія, на мѣстѣ г-жи Филлисъ, не замѣтили бы своей несостоятельности, или по крайней мѣрѣ постарались бы снова привлечь вниманіе публики, но г-жа Филлисъ хорошо поняла свое положеніе и, не дѣлая опасныхъ попытокъ, окончательно сошла со сцены въ 1813 году.

Г-жа Филлисъ прекрасно знала сценическія условія и, обладая большимъ тактомъ и вкусомъ, часто давала очень-полезные совѣты композиторамъ и авторамъ, желавшимъ узнать ея мнѣніе насчетъ своихъ твореній. — Съ такимъ же намѣреніемъ явился къ ней однажды одинъ молодой человѣкъ, дебютантъ драматической карьеры, сочинившій либрето, которое онъ пазначалъ для первой лирической сцены въ Парижѣ.

— Я незнаю, сказалъ онъ ей, стоить ли прослушать то, что я къ вамъ принесъ, но если вы удостоите удѣлить мнѣ полчаса, то я обещаю вполнѣ подчиниться вашему приговору. Я прошу васъ не имѣть ни малѣйшаго снисхожденія къ моей неопытности, откровенно высказать свое мнѣніе, однимъ словомъ поступить со мною какъ съ однимъ изъ лучшихъ вашихъ друзей.

Вслѣдъ за тѣмъ молодой человѣкъ вынулъ изъ кармапа рукопись піесы въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ *Смерть Геркулеса*. Г-жа Филлисъ внимательно слушала чтеніе и когда онъ кончилъ, сказала ему:

— Выборъ вамъ неудаченъ:—мифологическіе сюжеты уже давно вышли изъ употребленія. Форма повѣишихъ оперъ не похожа на форму старинныхъ оперъ, Кино, Руа и прочихъ. У Итальянцевъ либрето есть просто канва, на которой музыкантъ можетъ вышивать какіе-угодно узоры. Мы, Французы, требуемъ бдываго; мы хотимъ, чтобы въ либрето

былъ собственный интересъ, чтобы оно было эффектно само-по-себѣ, какъ піеса; авторъ либрето долженъ представить данныя для сценическихъ эффектовъ, а композиторъ, въ свою очередь, долженъ ихъ развить, придать имъ окончательную отдѣлку; какъ бы ни была хороша музыка, она не въ состояніи долго поддерживать піесы, которая слаба и неинтересна сама-по-себѣ; однимъ словомъ, для полнаго успѣха необходимо, чтобы существовала полная гармонія между авторомъ либрето и композиторомъ музыки.

Дѣльныя замѣчанія г-жи Филлисъ произвели самое глубокое впечатлѣніе на молодого сочинителя. Онъ съ чувствомъ поблагодарилъ артистку и, воротившись домой, прежде всего посѣдшилъ запрягать подальше свою поэму, съ тѣмъ чтобы навсегда предать ее забвенію. Этотъ молодой человѣкъ былъ г-нъ де-Шанаръ, обогатившій репертуаръ Комической Оперы многими очень-милыми произведеніями и умершій въ 1853 году, къ искреннему сожалѣнію своихъ друзей и любителей театра.

Любезность г-жи Филлисъ и изящество ея манеръ доставили ей много искренняго сочувствія въ высшемъ парижскомъ кругу. Въ числѣ ближайшихъ друзей нашей пѣвицы мы можемъ назвать графиню де-Бюфоръ д'Отпуръ которая, кромѣ того что превосходно знала музыку, писала очень-удачно стихи; изъ числа ея сочиненій извѣстенъ пасторальный романъ *Zelia*, въ которомъ находится нѣсколько прекрасныхъ романсовъ, украшенныхъ впоследствии музыкаю Романьези, Пансерона и Шантада. Г-жа Филлисъ можетъ гордиться также дружбою г-жи Рекамье, знавшей ее въ періодъ ея первой молодости. Последніе годы своей жизни она провела въ томъ же высшемъ кругу и скончалась въ 1838 году, почти 58 лѣтъ отъ рожденія.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ГОРОДОВЪ РОССИИ.

Въ Москвѣ музыкальный сезонъ открылся блестящимъ образомъ. Вотъ что пишутъ оттуда: Первый концертъ былъ дапъ 10 февраля вечеромъ, въ большой залѣ Благороднаго Собранія, съ полнымъ оркестромъ, при самой многочисленной и избранной публикѣ. Хоры были полны, въ залѣ была совершенная толпа; несмотря на высокую цѣну (5 р. сер.) нумерованныя кресла были всѣ заняты,—мпогіе оставались даже въ смежныхъ залахъ. Если успѣхъ можно измѣрять числомъ посѣтителей, то надобно сказать, что концертъ имѣлъ блестящій успѣхъ, чего въ дѣйствительности не было. Правда, было много рукоплесканій и вызововъ, но это обычная дань всѣмъ знаменитостямъ, особенно итальянскимъ. Какъ быть?—многіе изъ насъ имѣютъ еще большую слабость ко всякой извѣстности; мы всѣ болѣе или менѣе, отъявленные поклонники авторитетовъ. Мы позволимъ себѣ однако сказать нѣсколько словъ не столько о самомъ исполненіи, сколько о выборѣ піесъ. Наши дорогие гости, заѣзжіе артисты, смотрятъ на насъ всегда почти съ высоты своего величія, поютъ перѣдко бездѣлушки, да и то какъ будто изъ милости. Это и попятно: мы не со-

здаемъ славы, мы не раздаемъ вѣнковъ. Но общественное мнѣніе и журнальный голосъ пріобрѣли въ послѣднее время значительную силу, да и самый вкусъ публики сталъ разборчивѣе и строже.

Концертъ, о которомъ идетъ рѣчь, начался прекрасной увертюрой Вебера изъ оперы: *Волшебный стрѣлокъ*, исполненною съ замѣчательною энергіей. Увертюра шла стройно, полно. Дуэтъ изъ оперы *Итальянка въ Алжирѣ* прошелъ незамѣченнымъ, несмотря на то, что его пѣли гг. Кальцолари и Марини. Арія изъ Лукреціи Борджіа: *Oh! vieni la mia vendetta*, всемъ очень знакомая, была исполнена г. де-Бассани. Наконецъ на эстрадѣ появляется г-жа Бозіо. Громъ рукоплесканій, нѣсколько разъ повторенный, прѣдстуетъ талантливую артистку. Все стихаетъ и вотъ льются по залѣ знакомые звуки: *Una voce...* Арія кончается, но она не производитъ на насъ желаннаго впечатлѣнія; г-жа Бозіо, этотъ симпатичный, сладкій, голосъ, которому такъ доступно широкое и полное *capabile*, затемняетъ его излишними украшениями. Дуэтъ изъ *Травиаты* былъ однимъ изъ лучшихъ мѣстъ концерта: сколько простоты, граціи и прелести! Г. Кальцолари и г-жа Бозіо были вызваны и піеса повторена. Тріо изъ *Лукреціи* было пропѣто не вполне, но очень хорошо.

Съ большимъ вниманіемъ была прослушана арія изъ *Ломбардовъ*. Кальцолари замѣчательный художникъ. Чѣмъ больше слушаешь этого тенора, тѣмъ болѣе имъ восхищаешься. Какое знаніе своихъ средствъ, какое благоразуміе, какое умѣнье владѣть ими! Прекрасная школа образовала этотъ замѣчательный талантъ. Надо слышать и видѣть, какъ исполняетъ онъ роль крестьянина въ оперѣ *Любовный напитокъ*, какъ поетъ *Una furtiva la grima...* весь театръ тронуть, и тронуть до слезъ. Неужели мы не услышимъ этой лучшей піесы его репертуара?

Намъ въ первый разъ пришлось слышать г-на Марини; мы знали его только по имени. Это первоклассный талантъ. При первыхъ звукахъ *Свадьбы Фигаро* намъ показалось, что тѣнь недавно почившаго Лаблаша явилась на сценѣ. Г. Марини наклонѣ своихъ дней, какъ большая часть артистовъ прѣзжающихъ въ Москву, но голосъ его сохранилъ еще всю силу и глубину. Концертная рамка тѣсна для такого таланта. Слушая его, невольно досадуешь, что не увидишь его въ *Moïse*, или въ какой-нибудь подобной оперѣ, гдѣ онъ можетъ выказать всю силу своихъ вокальныхъ средствъ.

Въ этомъ блестящемъ музыкальномъ вечерѣ принимали участіе г-жа Оноре и г. Кавалини. Прекрасный кларнетистъ извѣстенъ нашей публикѣ по нѣсколькимъ концертамъ, которые онъ давалъ года три, четыре тому назадъ. Игра его та же, да и трудно совершенствоваться, когда Итальянцы говорятъ, что онъ Паганини кларнета. Его фантазія *Notte à Rossini* напомнила намъ много очаровательныхъ мотивовъ безсмертнаго маэстро. Г-жа Оноре (Пильсудская) пользуется у насъ извѣстностью прекрасной пѣвицы, и намъ всегда досадно, что она такъ рѣдко доставляетъ намъ случай слышать ея пѣніе.

«Испанская пѣсенка», граціозная, капризная и живая,

была очень хорошо пропѣта г-жею Бозіо; но не того мы желали бы отъ г-жи Бозіо. Мы душевно желаемъ слышать ее въ одной изъ тѣхъ большихъ и серьезныхъ піесъ, которыя она исполняетъ съ такимъ совершенствомъ.

Второй концертъ Итальянцевъ былъ также блестящъ, но въ сущности лучше перваго.

Намъ сообщаютъ объ одномъ, быть можетъ дѣйствительно-замѣчательномъ явленіи: въ Москву прѣхалъ музыкантъ—крѣпостной человѣкъ г-на Волнярларскаго, віолончелистъ Мѣшковъ. Говорятъ онъ учился у гг. Гердличко, Шмита и Серве, съ успѣхомъ игралъ въ Курскѣ, Харьковѣ и Смоленскѣ, и намѣренъ въ непродолжительномъ времени дать концертъ въ Москвѣ.

Надежда Богданова дала въ Ригѣ, 14 февраля, свое первое представленіе. Вотъ что о ней пишутъ въ рижскихъ газетахъ: «Г-жа Богданова, первая танцовщица с.-петербургскаго Императорскаго театра, танцевала въ первый разъ на нашей сценѣ. Танцы ея—чистая поэзія; въ каждомъ движеніи столько неумовимой прелести и граціи, столько нѣги и вмѣстѣ дѣвственной скромности, что нельзя не удивляться ея неподражаемому таланту! Можно забыть весь міръ смотря, какъ эта волшебница порхаетъ по сценѣ; она едва касается земли своими чудными ножками и только изъ милости не улетаетъ въ небеса. Безспорно Надежда Богданова первоклассная танцовщица. Главныя ея достоинства: артистическая увѣренность и спокойствіе. Г-жа Богданова явилась передъ нами во второмъ актѣ балета—*Жизель* и танцевала вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ Богдановымъ. Молодой танцовщикъ уже искусный артистъ; въ танцахъ его много мягкости и легкости; онъ достойный партнеръ своей талантливой сестры. Послѣ балета г-жа Богданова протанцевала *la Costopolitana*. Александръ Богдановъ, другой братъ артистки, дирижировалъ оркестромъ и прекрасно исполнилъ соло на скрипкѣ. Въ тотъ же вечеръ давали извѣстную испанскую драму *Донна Діана*, переведенную на нѣмецкій языкъ Вестомъ. Драма эта изобилуетъ эффектными сценами и звучными тирадами. Первая драматическая актриса рижской труппы, г-жа Витте, передала характеръ гордой, мстительной донны Діаны съ большимъ искусствомъ. Въ сценахъ любви можно было бы желать побольше страсти.

15-го февраля, музыкальное общество артистовъ, извѣстное подъ именемъ: *Der Liederkrantz* праздновало день своего основанія. Праздникъ этотъ данъ въ Биржевой залѣ св. Іоанна. Зала была убрана цвѣтами и дорогими растениями; въ глубинѣ ея устроена эстрада, обитая краснымъ сукномъ для оркестра и пѣвцовъ. Въ 8 часовъ вечера собрались всѣ лица, принимавшія участіе въ праздникѣ, и концертъ начался при многочисленномъ стеченіи публики. Исполнено было нѣсколько хоровъ и арій и два соло на фортепіано; въ заключеніе пропѣтъ всеми членами общества извѣстный хоръ Мендельсона, слова Шиллера: *An die Kunstler!*

ПИСЬМО ИЗЪ СИБИРИ.

Многіе изъ васъ, столичные жители, въ особенности прекрасный полъ, не разъ содрагались при словѣ «Сибирь». Это слово безъ сомнѣнія производитъ на васъ самое непріятное впечатлѣніе и при произношеніи его судорожный холод пробѣгаетъ по вашимъ членамъ.

Повѣрите, Сибирь не такъ страшна, какъ большая часть изъ васъ привыкли думать. Мы почти не замѣчаемъ, что живемъ въ Сибири, и только страшный морозъ зимою (отъ чего шибѣннѣй годъ Господь избавилъ) и нестерпимый зной лѣтомъ, да множество насѣкомыхъ, появляющихся въ это время года, заставляютъ насъ вспомнить, что мы находимся въ Сибири.

Наша общественная жизнь и наши удовольствія посятъ отпечатокъ столичныхъ и нисколько неуступаютъ жизни и удовольствіямъ внутреннихъ губерній Россіи. У насъ есть и дружественный семейный кружокъ, и балы, отличающіеся щеголеватостью, даже роскошью; наконецъ мы пользуемся также удовольствіемъ бывать въ храмѣ Талии и Мельпомены: нашъ театръ—хотя и небольшой, но довольно красивый, а актеры одарены весьма удовлетворительнымъ талантомъ. Изъ ихъ первое мѣсто по искусству и таланту принадлежитъ содержателю, г. Ярославцеву, и г-жѣ Ярославцевой (однофамильной съ нимъ). Рядомъ съ ними можно поставить истинную жрицу Терпсихорь, Пряхину (нынѣ Анаева), бывшую актрису Императорскихъ театровъ, еслибъ не одно.. что лишало насъ чаще видѣть ее на сценѣ. Потомъ слѣдуютъ: Надежина, Волковъ, Лазаревъ, Владивіровъ и др.; всѣ эти актеры очень недурно выполняютъ свои роли. Вся труппа состоитъ изъ 30 человекъ и капельмейстера. Здѣсь давались піесы вообще очень хорошенкія, а нѣкоторыя изъ нихъ заслужили всеобщую похвалу и шли по нѣскольکو разъ: 1) Доходное мѣсто, сч. Островскаго; 2) «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», гдѣ Волковъ удивительно хорошъ въ роли Волкова; 3) «Бѣдность не порокъ», гдѣ онъ неподражаемъ въ роли Любима Торцова; 4) «Свадьба Кречинскаго», гдѣ хорошъ г. Ярославцевъ въ роли Расплюева и 5) «Праздничный сонъ до обѣда». Но вездѣ, во всѣхъ роляхъ, слѣдуетъ отдать справедливость, какъ въ пониманіи, такъ равно и въ исполненіи всѣхъ ролей, старой ветеранкѣ, г-жѣ Налезинпой;— гдѣ играетъ она, гг. Ярославцевъ и Ярославцева и г. Лазаревъ, можно сказать смѣло, что какъ бы ни была піеса плоха, не упадетъ, а произведетъ эффектъ. Честь и слава! Въ особенности удивительно хорошо шли піесы: «Цирюльникъ на Пескахъ», «Гамлетъ Сидоричъ», «Растроилъ и настроилъ», «Дядюшка болтушка», «Женихъ изъ ножевой линіи», «Утка и стаканъ воды», «Хорошъ Петербургъ», «Женихъ по ошибкѣ», «Барская спѣсъ», «Довольно» «Собачкины» «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», «Москаль чаривникъ». Въ роли Тетьяны удивительно хороша г-жа Ярославцева и я думаю превзойдетъ многихъ артистокъ своимъ природнымъ талантомъ; притомъ хорошенкое личико, выговоръ малороссійскій хорошо подражаемый, просто прелесть!!! «Въ Материнскомъ благословеніи» и «Сироткѣ Сусаиѣ»—пальма первенства принадлежитъ г-жѣ

Анаевой. «Хочу быть актрисой», «М. А. Губкинъ»; здѣсь очень хорошъ г. Ярославцевъ; «Дочь втораго полка»;—да и мало-ли, всѣхъ перечесть, репертуаръ разнообразенъ до-нельзя.

Наконецъ въ нынѣшнѣй сезонъ мы были обрадованы прїѣздомъ къ намъ г. Лемергарда *). Этотъ жрецъ Натуральной магіи, Физики и Химіи, доставилъ намъ большое удовольствіе, а его интересныя представленія, проворство, ловкость и любезность, заслужили всеобщій фуроръ.

Кромѣ того, г. Лемергардомъ были поставлены: панорама, заключающая въ себѣ изображенія нѣкоторыхъ европейскихъ городовъ и историческихъ событій, и живыя картины, отличавшіяся изящностью и натурой (на вертящемся кругу)—въ особенности же были хорошо мнѳологическія картины. По субботамъ онъ показывалъ туманныя картины, изъ которыхъ были нѣкоторыя очень недурны, особенно механическія.

Вотъ вамъ и Сибирь!.. Вы думаете, что мы завидуемъ вамъ,—нисколько. Поживите-ка въ Сибири и вы не оставите ее. Я увѣрею, что паша сибирская простота поправится вамъ и вы съ удовольствіемъ промѣняете на все столичную чопорность.

А наши пикники, рыбная ловля, охота, концерты... Вотъ еще недавно былъ у насъ г. Севастьяновъ, который былъ осыпанъ лаврами и цѣлковыми: онъ взялъ въ два концерта 700 р. сер. Игрую своею на скрипкѣ онъ доставилъ публикѣ истинное наслажденіе; ему аккомпанировала на фортепіано паша любительница, г-жа Б...

Да что и говорить—прїѣзжайте только вкусить всѣ наши удовольствія, которыхъ и не перечесть, и не будетъ каяться. Какъ не сказать, что паша матушка Россія благословенна, счастлива и богата, а подъ покровительствомъ справедливыхъ законовъ и защитою нашего великодушнаго Монарха все процвѣтаетъ въ ней, даже и въ отдаленной Сибири.

По—ничего пѣтъ вѣчнаго въ мірѣ. Окапчивая это письмо, я долженъ сказать съ грустью, что мы лишились самаго большаго удовольствія—нашего антрепренера, г. Ярославцева;—труппа актеровъ и г. Лемергардъ оставили насъ. Театръ опустѣлъ, удовольствія исчезли. Впрочемъ мы остаемся въ пріятномъ убѣжденіи, что насъ незамедлятъ павѣстить новые артисты, кототорые какъ—только узнаютъ, съ какимъ радушіемъ и ласкою они бываютъ приняты здѣсь и съ какою готовностью мы поощряемъ ихъ, безъ сомнѣнія поспѣшатъ къ намъ. А театръ для нихъ совершенно готовъ, обладатель его имѣетъ здѣсь все что нужно: декораций, машины, книги, ноты, костюмы и все что нужно для представленія разнородныхъ піесъ,—только прїѣзжайте. Звонокъ,—и завѣсь поднимется для общаго удовольствія.

Да вотъ, хоть-бы въ настоящее время, мы наслаждаемся такими удовольствіями, кототорыя развѣ только могутъ быть въ С. Петербургѣ и Москвѣ: въ запусѣломъ театрѣ, послѣ отъѣзда труппы, вдругъ владѣтель его, здѣшній купецъ, любитель, преданный общественнымъ удовольствіямъ, пазначилъ въ первый разъ небывалый здѣсь пикогда

*) Онъ игралъ вмѣстѣ съ труппою.

вольный маскарадъ, на условіяхъ всѣмъ доступнымъ, а имен-
но: за входъ въ маскарадъ платятъ только тѣ, кто не поже-
даетъ быть безъ платежа, а прочіе всѣ даромъ; начало въ
7-мъ часовъ. Въ 1-й и 2-й маскарадъ было очень немного, по
въ 3-й и 4-й, залъ, ложи и галлерей были совершенно полны;
оркестръ не большой, но изрядный по здѣшнему городу для
танцующихъ, гдѣ въ старину, до развитія золотопромышлен-
ности, т. е. 1840-хъ годовъ, за грѣхъ считалась пляска.
Освѣщеніе—стеарины; убранство залы,—хоть-бы и не въ Си-
бири. А масокъ сколько, спросите вы? Масокъ—около 40;—
не правда-ли, очень достаточно? Мы танцовали и весели-
лись за полночь. Сегодня опять маскарадъ и, говорятъ, бу-
дутъ продолжаться до Великаго поста.

В. Л.

Енисейскъ, января 29 дня, 1858 г.

Р. С. Всѣ желающіе имѣть свѣдѣнія о театрѣ могутъ
относиться въ г. Енисейскъ, къ енисейскому купцу Нико-
лаю Николаевичу Лео, и получать всѣ нужныя свѣдѣнія.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Тѣло Лаблаша привезено изъ Неполя въ Парижъ и по-
гребено въ церкви св. Магдалины. Похороны знаменитаго
артиста совершены съ великолѣпіемъ, достойнымъ почет-
наго мѣста, которое покойный занималъ въ свѣтѣ, какъ ве-
ликій пѣвецъ и благородный человѣкъ. Многочисленная
толпа всѣхъ званій и возраста наполнила церковь такъ,
что принуждены были растворить всѣ двери; многіе за тѣ-
спотой остались на паперти. Гробъ стоялъ на великолѣп-
номъ катафалкѣ, окруженный множествомъ свѣчей; передъ
катафалкомъ, на бархатной подушкѣ, лежала золотая ме-
даль, осыпанная брилліантами, на Андреевской лентѣ, по-
жалованная маститому пѣвцу Императоромъ Всероссійскимъ.
Во время обѣдни исполненъ *Requiemъ*, Моцарта, прежними
товарищами покойнаго. Соло пѣли г-жи Гривзъ, Альбони,
Вильгорстъ, Маріо, Граціани и Цуккини съ акомпанимен-
томъ оркестра итальянской оперы. Изъ числа присутствующихъ
было много знаменитостей артистическаго и лите-
ратурнаго міра; у самаго катафалка стоялъ Россіинъ. По окон-
чаніи обѣдни погребальная церемонія двинулась къ кладби-
щу *Отца Лашеза*, гдѣ мраморная гробница ожидала оста-
нки незабвеннаго артиста; кисти у балдахина держали четыре
друга Лаблаша: баронъ Тейлоръ, маэстро Караффа, князь
Понятовскій и герцогъ Санъ - Джіакомо. Заимствуемъ изъ
неаполитанскаго журнала *Ирида* слѣдующія подробности о
последнихъ минутахъ Лаблаша: «его исповѣдывалъ доминиканскій
монахъ, вступившій въ этотъ орденъ съ отчаянія
по-смерти жены и дѣтей. Монаха зовутъ Винтеромъ и онъ
когда-то пѣлъ на театрѣ вмѣстѣ съ Лаблашемъ. Знамен-
итый артистъ умеръ тихо, исполнивъ всѣ христіянскія обя-
зательства. Онъ жилъ для своего голоса и въ то время, какъ
силы его слабѣли, жизнь гасла, Лаблашъ жалѣлъ объ

одномъ, что голосъ его становится не такъ звученъ. Онъ
позвалъ свою дочь и шепнулъ ей на-ухо: «Чеккина, я по-
терялъ голосъ и умру!» Съ этими словами онъ скончал-
ся. Когда тѣло Лаблаша стали отправлять во Францію,
многочисленные друзья покойнаго собрались проводить его.
Лучшіе неаполитанскіе артисты несли гробъ на рукахъ до
траурной колесницы. Всѣ плакали и эти слезы достаточно
свидѣтельствуютъ, какою любовью и уваженіемъ пользовал-
ся знаменитый пѣвецъ, долго незамѣнимый. Въ самое ко-
роткое время театръ понесъ нѣсколько значительныхъ по-
терь, въ томъ числѣ самыя важныя: Рашель и Лаблашъ.
Какъ не грустно, а должно перейти къ другимъ новостямъ,
хотя наэготъ разъ мы не будемъ много распространяться о
театрахъ, не представившихъ въ послѣднее время ничего
замѣчательнаго.

Французскій Театръ принялъ новую комедію Маріо Юша-
ра, мужа Малелены Бротаъ. Комедія называется: *le Re-
tour de mari*; главные роли въ ней займутъ: Брессанъ,
Прово, Жефруа, г-жа Арну Плесси и Стелла Кола. Въ
комедіи Мольера *Тартюфъ* дебютировалъ недавно въ роли
Валера молодой воспитанникъ Парижской консерваторіи,
г. Вормсъ. Роль эта не могла выказать вполне дарованія мо-
лодаго артиста; слѣдующіи дебютъ въ *Британикъ* дока-
жетъ степень его таланта. Въ концѣ Масляницы на теа-
трѣ Пале-Ройяля явился два водевиля, вполне соотвѣт-
ствующіе шумному, веселому времени карнавала; первый
называется: *Une soirée périlleuse* и содержаніемъ напоми-
наетъ водевилъ *les Exploits de César* и *le Bal du grand monde*;
другой называется: *Je croque ma tante*; Равель уморителенъ въ
роли мужа; его старанія—скрыть свои проказы отъ жены и
спроводить Камелію, явившуюся къ нему ужинать. Император-
скій Театръ-Циркъ за 80 представленій волшебной піесы Клер-
виля, Монье и Мартена: *Turlutu-chapeau pointu*, получилъ 132
тысячи 180 франковъ. Подобный сборъ достаточно ру-
чается за успѣхъ піесы. Въ скоромъ времени данъ будетъ
годовой балъ въ пользу Общества драматическихъ арти-
стовъ подъ покровительствомъ императора Наполеона. Орке-
стромъ будетъ дирижировать Штраусъ. Увлечательныя ка-
дрили, превосходное убранство залы, всѣ парижскія ак-
трисы, принявшія на себя званіе дамъ патронессъ; что-же
больше нужно, чтобъ наполнить залы? тѣмъ болѣе, что ка-
ждый годъ эти балы становятся разнообразнѣе и великолѣп-
нѣе. Къ тому-же времени ожидаютъ въ Парижѣ одного
изъ знаменитѣйшихъ композиторовъ Небесной Имперіи съ
40 музыкантами, желающаго познакомить китайскія уши
съ европейской музыкой, а европейцевъ посвятить въ та-
инства китайской гармоніи. Китайскіе концерты будутъ да-
ны на одномъ изъ Парижскихъ лирическихъ театровъ и
исполнены самыя лучшія музыкальныя произведенія Китая,
а именпо: творенія Фо-Хи, перваго китайскаго властителя,
и Пшени - Фо - Тзи, китайскаго Россіинъ, жившаго за 220
лѣтъ до нашего времени. Концерты знаменитаго герман-
скаго піаниста Генриха Литольфа произвели большое впе-
чатлѣніе въ Парижѣ. 18 лѣтъ тому назадъ, Литольфъ прі-
ѣзжалъ въ Парижъ и прославился уже тогда, какъ вир-

туозъ и композиторъ. Литольфъ безъ сомнѣнiя одинъ изъ лучшихъ современныхъ композиторовъ. Онъ пишетъ свои симфонiи и увертюры на драматическiе сюжеты; въ его произведенiяхъ цѣлая драма, цѣлая поэма; слушая ихъ, невольно представляешь себѣ сцены ярости и отчаянiя, громкiе крики страданiя. Если-бъ *Король Лиръ*, *Макбетъ*, *Донъ-Карлосъ* могли переимѣнить свою форму и языкъ, то не нашли-бы лучшаго переводчика какъ Литольфъ; какъ исполнитель Литольфъ почти не имѣетъ соперниковъ. Подъ его пальцами фортепiано превращается въ оркестръ; Литольфъ умѣетъ извлечь изъ этого неблагодарнаго инструмента потрясающiе, неслыханные звуки; подъ его рукой клавиши кажутся иногда струнами скрипки. Литольфъ играетъ свои произведенiя наизусть и нельзя не удивляться этому тройному феномену композицiи, исполненiя и памяти. Брюссель перешеголялъ Парижъ страстью къ пародiямъ; едва только тамъ успѣли дать на одномъ театрѣ извѣстную комедiю Дюма-сына: *le Fils naturel*, какъ на другомъ явилась пародiя *le Fils surnaturel*.

Въ Берлинѣ представлена недавно трагедiя Лепезя—*Продъ*, и потерпѣла совершенное паденiе, также и другая трагедiя Мельхиора Мейера—*Карлъ Смѣлый* не имѣла успѣха; рѣшительно нѣмецкая литература обидѣла и давно уже не представляла ничего замѣчательнаго. Последнее время Берлинъ много веселился по-случаю великолѣпныхъ празднествъ, данныхъ въ честь бракосочетанiя Англiйской принцессы съ принцемъ Прусскимъ, но кромѣ придворныхъ празднествъ были и другiе, не такъ блестящiе, но за то очень веселые. Весь городъ говорилъ о занимательномъ балѣ, данномъ городекими архитекторами; оригинальный маскараль достойно увѣичалъ этотъ праздникъ. Подъ конецъ вечера двери неожиданно отворились и вкатились двѣ большiя бочки, за которыми явилась еще третiя необъятнаго размѣра, живое изображенiе Гейдельберга; на ней сидѣлъ Бахусъ; кругомъ прыгали бутылки шампанскаго, рейнвейна, мадеры и проч. пьянство съ своею свитой заключало шестые. Когда процессiя обошла все залы, гейдельбергская бочка превратилась въ вазу съ букетами, которые Бахусъ и его спутники вручили дамамъ. Въ Берлинѣ гостила на Масляницѣ итальянская труппа пѣвцовъ, давшая нѣсколько представлений. Берлинцы ожидаютъ прiѣзда Надежды Богдановой.

Въ Вѣнѣ, въ концертѣ Общества любителей музыки исполнена въ первый разъ ораторiя Шумана—*Рай и Пери*. Теоръ Роже уже въ Вѣнѣ и дебютировалъ въ *Пророкъ*; въ одно время съ нимъ прiѣхалъ туда извѣстный парижскiй хореграфъ Сень-Леонъ, мужъ Черрито и учитель Надежды Богдановой. Сень-Леонъ поставилъ на вѣнскую сцену новый балетъ своего сочиненiя: *le Procès du fandango*, имѣвшiй блистательный успѣхъ и представленный уже два раза при Дворѣ. Императоръ Австрiйскiй самъ изъявилъ благодарность артисту, вызванному послѣ каждаго акта. Че-

резъ два дня послѣ того, Сень-Леонъ долженъ былъ уѣхать въ Туринъ, чтобъ устроить танцы въ *Пророкъ*. Онъ готовитъ для Турина большой новый балетъ, а затѣмъ возвратится опять въ Вѣну. Сень-Леонъ не только самый искусный и талантливый балетмейстеръ, но хорошiй танцовщикъ и превосходный музыкантъ. Онъ прекрасно играетъ на скрипкѣ и ученикъ Паганини и Мей-Седера. Изъ балетовъ, имъ сочиненныхъ, лучшiе: *Мраморная Красавица*, *Чортова скрипка*, *Пакеретта*, *Маркизантка* и др.

Лейпцигскiе концерты въ Гевандгаузѣ украсились содѣйствiемъ г-жи Вiардо.

Рубинштейнъ, давъ въ Прагѣ два концерта съ блестящимъ успѣхомъ, отправился въ Веймаръ, гдѣ будетъ исполнена его ораторiя: *Потерянный рай*. Знаменитый пианистъ заключилъ контрактъ съ директоромъ Вѣнской оперы Гебелемъ, по которому обязуется написать къ веснѣ оперу съ историческимъ сюжетомъ за 800 гульденовъ. Должно замѣтить, что въ первый разъ еще въ Германiи композиторъ получилъ такую сумму за свое произведенiе.

Въ Бременѣ въ скоромъ времени дапа будетъ мелодрама тамошняго капельмейстера Соболевскаго: *Пималонъ*. Сюда ждутъ въ скоромъ времени Дрейшока.

Въ Туринѣ оперы Верди: *Макбетъ* и *Травиата*, имѣютъ постоянный успѣхъ. Примадонна Пардини-Сперанца занимаетъ обѣ главныя роли, совершенно-разнородныя по характеру съ большимъ успѣхомъ.

Въ Неаполѣ цензура остановила на-время представленiя новой оперы Верди: *Una vendetta in domino*. Такъ какъ карпавалъ окончился, то либретто должно быть нѣсколько измѣнено. Извѣстно, что въ Неаполѣ въ посту не позволяется носить маски даже на сценѣ, а танцы на театрѣ строго запрещены. Чтобъ успокоить нетерпѣливыхъ Неаполитанцевъ, въ ожиданiи оперы любимаго маэстро, даютъ *Лиду ди-Шамуни*, *Пуританъ*, *Сицилійскiя вечерни* и обѣщаютъ въ скоромъ времени поставить на сцену другую оперу Верди: *Король Лиръ*.

Въ Римѣ *Арольдо* производитъ большой эффектъ. Тамъ же репетируютъ новую оперу Бауера: *Графъ Лейчестеръ*. На этотъ сюжетъ Доппетти и Пачини также писали музыку.

Въ прошедшемъ номерѣ мы объявили о смерти г-жи Фрецолини въ Мексикѣ, но прибавили, что не ручаемся за достоверность слуха. Такъ и случилось: испанскiе журналы поспѣшивъ схоронить знаменитую пѣвицу, также поспѣшно наперерывъ стараются опровергнуть этотъ слухъ. Въ одномъ изъ нью-йоркскихъ журналовъ сказано, что г-жа Фрецолини пользуется вожделеннымъ здравiемъ и пожинаетъ лавры въ Гаваниѣ, куда ангажирована на самыхъ блестящихъ условiяхъ.